

УНИКАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ XVIII ВЕКА: «НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ БУКВАРЬ С КРАТКИМИ ПРАВОУЧЕНИЯМИ И ПОВЕСТЯМИ»

Ромашина Е.Ю.

ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» Тула, Россия (300026, Тула, пр. Ленина, 125), e-mail: katerinro@yandex.ru

В статье рассмотрен уникальный книжный памятник XVIII в. «Новый российский букварь» являлся пособием для обучения грамоте и одновременно – книгой для первоначального чтения. В статье осуществлен его структурный и содержательный анализ. «Букварь» включает в себя алфавит и слоги, краткий языковой справочник, тексты для чтения и поучительные рассказы. Общая идеология и мораль эпохи российского Просвещения ярко отражена в содержании текстов данного учебника. Существенной характеристикой, отличающей данное учебное пособие от других аналогичных, является отсутствие в нем церковно-славянской азбуки и текстов, связанных с богослужением: молитв, символа веры, заповедей и т.п. Автором статьи предложен ряд гипотез, объясняющих эту особенность. Рассмотренное - третье - издание «Нового российского букваря» находится в фондах Национальной библиотеки Эстонии.

Ключевые слова: учебник, букварь, обучение грамоте, XVIII в.

XVIII CENTURY UNIQUE EDITION: "THE NEW RUSSIAN PRIMER WITH BRIEF HOMILIES AND STORIES"

Romashina E.Y.

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia (300026, Tula, av. Lenin, 125), e-mail: katerinro@yandex.ru

The unique edition of the XVIII century is considered in the article. "The New Russian primer" is a schoolbook for literacy training and at once - a book for the initial reading. Its structure and content analysis is carried out in the article. "The Primer" includes alphabet and syllables, brief language reference book, texts for reading and the didactic stories. Common ideology and morality of the Russian Enlightenment are brightly reflected in the content of this textbook. The essential characteristic that distinguishes this textbook from other similar, ones is the absence of Church Slavonic alphabet and texts related to the church service - prayers, the Creed, the commandments, etc. The author proposes hypotheses to explain this feature. The considered edition of "The New Russian Primer" (the third edition) is located in the collections of the National Library of Estonia.

Keywords: textbook, primer, literacy, XVIII century

«Не препровождай молодых своих лет в праздности: ибо ленивый ничего себе не наживает, а трудолюбивый приобретает честь, славу и имение». [5, с. 32]

«Не ругайся над бедным, сколько бы он мал не был: он такой же, как и ты человек, и, следовательно, ничем тебя не хуже». [5, с.30]

«Примечай за собой прилежно, и убегай грубых нравов...» [5, с. 29]

Все эти цитаты взяты нами из уникального издания, мало известного отечественным историкам и педагогам. «Новый российский букварь с краткими нравоучениями и повестями» вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1775 г., а затем был дважды переиздан – в 1779 и 1785 гг. Электронный каталог «Русская книга гражданской печати XVIII в. в фондах библиотек РФ (1708–1800)» содержит сведения о трех экземплярах «Букваря»: согласно ему экземпляр первого издания находится в Библиотеке Академии наук, второго – в библиотеке

Вильнюсского университета и третьего – в Национальной библиотеке Эстонии. [5, 6, 7] Нами в данной статье рассмотрено третье издание, изученное *de visu*.

Текст «Нового русского букваря» разделен на пять частей: «Краткое наставление о чтении русском» (с. 3–9), «Нравоучения» (с. 10–18), «Примечания» (с. 19–25), «Статьи для памяти» (с. 26–32) и «Краткие детские сказки» (с. 3–79). Проанализируем каждый из разделов и покажем, в чем же состоит уникальность данного издания.

«Наставление о чтении» включает в себя алфавит – заглавные и строчные буквы гражданской печати. В «Букваре» нет церковно-славянской азбуки. Нет заповедей, текстов молитв, символа веры – ничего того, что мы привыкли считать неотъемлемой частью пособий для первоначального обучения в XVIII, да и в XIX в. тоже.

Почему этот компонент отсутствует? Издание не повреждено, все страницы его целы – механическое извлечение какой-либо части исключается. «Букварь» назван «новым» — логично предположить, что из-за использования исключительно гражданского алфавита. Может быть, в нем нет текстов религиозного содержания оттого, что они не могли печататься гражданским шрифтом? Церковно-славянская азбука имела сакральное значение, при печати Священного Писания и в Богослужебных книгах использовалась именно она.

Секуляризация всех сфер общественной жизни являлась яркой отличительной чертой эпохи русского просвещения, этот процесс затронул и сферу образования. Уже в начале XVIII столетия в «Азбуке» Петра I (1710 г.) сразу после слогов были помещены «Нравоучения от Священного Писания по алфавиту избранные», и напечатаны они были – как и вся «Азбука» — гражданским шрифтом. [1, с. 9] Следовательно, подобный опыт в русском книгоиздании был. Однако обычным явлением вплоть до начала XX в. все-таки было представление в учебной литературе богослужебных текстов на церковно-славянском или параллельно – на русском и церковно-славянском языках. [4]

А вот в «Новом букваре» вероучительный блок отсутствует – и это удивительно!

В качестве предположения обозначим три возможных объяснения. Первое – «Новый букварь» предназначался не только для учеников православного вероисповедания, но и для других христианских конфессий (вспомним о Корпусе/гимназии чужестранных единоверцев/одноверцев 1775–1796 гг., о школе при кирхе Св. Петра — Петришуде и других многочисленных неправославных школах). Косвенным подтверждением тому является факт сохранности этого издания в библиотеках Вильнюса и Таллинна. Возможно, по нему учились дети северо-западной окраины Российской Империи – лютеране и протестанты. Известно также, что среди учащихся кадетских корпусов (а «Букварь» отпечатан первым изданием в типографии Морского шляхетского корпуса) было много «лифляндцев и других иноземцев». [3, с. 79] Против такого предположения говорит то, что «Букварь» явно

предназначался детям, для которых русский – родной. Этот никак не пособие обучения кого бы то ни было иностранному языку.

Вторая «версия» — «Букварь» был создан в кругу «вольнодумцев», к каковым можно отнести, например, масонский кружок Н.И. Новикова. «Новый российский букварь» издавался «иждивением» книгопродавца К.В. Миллера, второе и третье издание — в типографии И.К. Шнора – принадлежность их обоим к масонству несомненна. Сложные отношения российских вольных каменщиков, и Новикова в частности, с Русской Православной церковью известны. Но именно с церковью — не с верой. А потому опять же невероятным выглядит отсутствие в «Букваре» особого «молитвенного» раздела и даже «Нравоучения от Священного Писания». Впрочем, «Букварь» не является «безбожным» — в его текстах Бог упоминается постоянно, а в контексте присутствуют и заповеди, и смертные грехи, и христианские добродетели, но именно в контексте – ни одно из этих понятий не фигурирует прямо.

И третье гипотетическое объяснение. В «Генеральном плане Императорского Воспитательного дома» (1763—1772) И.И. Бецкой писал о том, что его питомцы должны знать прежде всего не «славенский язык», а «тот, которым пользуемся от природы», т.е. русский. А церковно-славянский должен составлять «познание для детей отменно понятных и назначенных к особливым искусствам», кроме того, этот язык необходимо изучать на более высоких ступенях образования – например, в кадетском корпусе. [3, с. 242] Можно предположить, что «Новый букварь» как пособие, предназначенное для *первоначального* обучения грамоте, был выстроен как раз в соответствии с авторитетным мнением Бецкого: «Смеха достойный присвоили мы обычай учить детей в школах грамоте по книгам на языке и буквах славенских и провождать в сем учении несколько лет. Не вводить сего способа учения; ибо детям прежде начатия словенского, должно учить буквари печатные на употребляемом ныне языке» [3, с. 241]. Но этот довод опять же не дает доказательного объяснения тому, что в рассматриваемом букваре отсутствуют тексты религиозного содержания. Особенно если принять во внимание, сколь важным считал этот аспект воспитания сам И.И. Бецкой.

Какое-то объяснение могли бы еще подсказать данные о тираже «Букваря», но, к сожалению, такими сведениями мы не располагаем.

Вернемся к содержанию пособия. Вслед за гражданским алфавитом в нем помещены слоги – двухбуквенные (все возможные сочетания, по алфавиту – ба, ва, га, да..., бе, ве, ге и т.д.) и трехбуквенные (бла, вла, гла, бло, бну, и т.д., в том числе не встречающиеся в русском языке сочетания – фня, щна), и некоторые четырехбуквенные – здна, мгла, скна и т.д.

Далее следуют первые связные предложения для чтения — «Нравоучения». Все они разделены на слоги и первое из них: «Страх Бо-жий есть на-ча-ло му-дро-сти» [5, с. 10]. Нравоучения имеют характер как нравственных постулатов, так и поведенческих норм: «Не делай ничего злого; то и тебя никакое зло не постигнет» [5, с. 10], «Ежели желаешь сохранить свое здоровье, то наблюдай умеренность...» [5, с. 16]. Заключительное высказывание: «Будучи в уединении помни, что Бог и совесть твоя пребывают с тобой неразлучно» [5, с. 18].

Раздел «Примечания» – по сути своей краткий языковой справочник. В нем представлены: фонетика – «О самогласных буквах», «О согласных буквах», «О безгласных буквах» (ъ и ь знаки), «О произношении российских букв», «О складах и речениях»; синтаксис — «Употребительные строчные знаки суть следующие: *запятая* (,), *точка* (.), *две точки* (:), *точка с запятой* (;), *вопросительный знак* (?), *удивительный знак* (!), *единительный* (-), *вместительный* ( )» [с. 23]. Для каждого знака дается правило его употребления и приведен пример: «Удивительный знак употребляется после восклицания, и вообще после всякой с великим жаром или напряжением голоса сказанной речи. *О ты хвала бестолковой черни, почто не презрел я тебя заблаговременно!*» [5, с. 23]. В «Букваре» отмечено, что «все сии знаки ставятся по силе разума и по его расположению и союзам».

Следующий раздел имеет заголовок «Статьи для памяти». Фактически это те же нравоучения, но предложения более длинные, сложносочиненные, деления на слоги уже нет. Подчеркнем, что первая же «статья для памяти» такова: «Упрямое дитя, пренебрегающее добрые советы и ласковые слова, достойно телесного наказания» — что явно «расходится» с педагогическими принципами, пропагандируемыми и Бецким, и Екатериной Второй, и Новиковым. [5, с. 23]. Так же как и «Нравоучения», эти статьи имеют содержание как морально-категориальное, так и поведенческое: «Говори всегда правду и не дерзай лгать: ибо хотя ты и можешь обмануть человека, но от Бога ничего не утаишь» [5, с. 27]; «Не доноси на подругов своих ни в каком пороке: но дай им время опомниться и прийти в раскаяние о своем заблуждении»; «Ходи пряменько, не бегай, по сторонам не зевай, и гляди прилежно себе под ноги: то никогда не упадешь» [5, с. 28]; «Не карапкайся на высокие места, и помни, что здоровые члены дороже всего на свете: переломить их можешь очень легко, но исцелить трудно» [5, с. 32]. Интересно, в XVIII в. призывы учебных пособий к благопристойности и примерному поведению побеждали живую детскую природу или были столь же малоэффективны, как и сегодня ...

Самый пространный раздел «Нового букваря» — «сказки». Это вовсе не «волшебные истории», а скорее притчи или поучительные рассказы. Всех «сказок» 33.

Тексты разделены точно пополам: о «хороших» детях («Об умном мальчике», «О правдивой девушке», «О набожном сыне», «О молчаливой девушке» и т.д.) и о «плохих» («О неосторожном ребенке», «О безрассудном ребенке», «О лицемерном сыне», «О ненасытной девушке» и т.д.). Гендерный принцип в рассказах соблюден, но текстов о девушках всего 5 (причем из них 4 – о хороших; в них фигурируют понятия «девушка» и «дитя»); остальные посвящены мальчикам (герой рассказа может быть обозначен как «ребенок», «дитя», «мальчик», «сын»). Личных имен крайне мало – и все эти имена вполне русские (Яков, Петр), главный герой «сказки» имени никогда не имеет – вероятно потому, что должен представлять собой некий обобщенный образ порока или добродетели.

В тематике «сказок» представлены все возможные «детские грехи» — обжорство, лень, ложь, непослушание, упрямство, безрассудство, трусость, спесь, ябедничество; и добродетели — ум, покорность, любознательность, чувство долга, набожность, опрятность, послушание. Финал истории обязательно нравоучительный, но оформлен по-разному.

18 сказок описывают некое «воздаяние» — событие или действие / бездействие других людей и (или) животных, наступившее вслед за хорошим или дурным поступком ребенка.

10 – своим окончанием имеют назидательное изречение – «прямую» мораль.

2 – торжественное обещание героя вести себя должным образом.

2 – вопросы, обращенные к читателю.

1 – «открытый финал».

Приведем примеры предложенных детям сентенций:

1) «все честные люди, слыша о таком дурном его качестве, стали его презирать» [5, с. 44];

2) «свинья вдруг сбила его с ног; и оно [дитя] не только перемаралось с ног до головы, но и до крови расшиблось» [5, с. 40];

3) «надобно слушаться во всем родителей» [5, с. 37];

4) «исполняй волю тех, которым мы столь много одолжены» [5, с. 39];

5) «дитя обещалось следовать впредь родительским увещаниям; и сказывают, что оно в слове своем устояло» [5, с. 43];

6) «дитя устыдилось, признав свою неразумность, и стало умнее» [5, с. 66].

Всего два текста в качестве заключения содержат вопрос, обращенный к читателю. Первый из них – «О наделенной девушке». Сюжет: мать покупает игрушки и сласти только той дочери, которая ничего себе не просит; и не покупает ничего детям, которые требуют себе подарков; кроме того, их теперь вовсе не берут в гостиный двор. Сказка заканчивается вопросом: «Достойны ли они были такого наказания?» [5, с. 33].

Второй пример – текст «О двух мальчиках». Один из них послушался предостережения и не стал подходить к улью, а другого ужалила пчела. «Мальчик сей стал умен чрез свое несчастье, а другой послушавшись разумного увещания. Который же из них был умнее?» — спрашивают читателя [5, с. 62].

Обе эти «сказки» расположены в самом начале раздела (первый и третий тексты). Возможно, автор предполагал использовать этот методический прием во всех историях, но затем отказался от своего намерения.

Вопрос, обращенный к герою рассказа, оставленный без четкого ответа и потому образующий «открытый финал», в пособии всего один: «сваливаешь вину на постороннего человека, которого ни душа, ни намерение тебе не известны. Как бы ты рассудил! Может быть, Яков положил нож возле тебя и с тем, чтобы изведать, послушен ли ты своим родителям?» [5, с. 58–59]. Мы не предполагаем, что незавершенность сюжета оставлена автором сознательно — в воспитательных целях, но все-таки и такой вариант финала имеет место.

Очень точно в идеологию эпохи Просвещения вписываются два рассказа – «О любопытном мальчике» и «О лишившемся игрушек мальчике». Причем заглавия не дают нам повода заподозрить, что речь пойдет о пользе наук и учения. На деле это именно так.

Герой первого текста задавал своей матери множество вопросов об окружающем мире: куда придешь, выйдя из города; что такое море; все ли было от сотворения света так, как теперь, и т.д. Мать всякий раз подробно отвечала ему. И, наконец, состоялся такой диалог: «Ах, матушка сударыня! ... Кто вас всему этому научил?» «Книги!» — ответствовала мать. «Книги?» — сказал он с удивлением. «Так пожалуйста и мне все те книги, в которых про это писано». «Да тебе надобно сперва, — ответствовала мать, — выучиться хорошенько читать, когда хочешь такие книги пробегать и разуметь». «Изрядно, — сказал опять сынок, — так я хорошенько буду учиться грамоте». Он и доподлинно устоял в своем слове и вскоре почерпнул разные из хороших книг сведения [5, с. 69–70].

Во второй «сказке» «у некоторого мальчика» отняли родители все его игрушки. «Он, оплакивая любезные свои вещи, спрашивал, для чего отнимают у него то, что столь много по сие время его увеселяло?» [5, с. 40]. Выясняется, что он «барабаном поднимал в покоях великий шум», «мячом вышиб стекло», «плетью стегнул брата по лицу», и за все это его бранили, секли, он падал, ушибался и т.д. В конце концов, дитя признает, что «все его горести происходили ... от худого употребления игрушек» [5, с. 41]. Во избежание этих неприятностей «из прямой любви» родители предлагают ребенку следующее: «Заведи ты себе в цветочных горшках небольшой огород. В ведренную погоду будешь ты выходить для гульбы на поля или в рощи. Иногда можешь ходить в гости к детям нашего соседа и их

взаимно к себе звать. Будешь так же учиться играть на гусях... Еще купим тебе карандаш, да водяных красок целый ящик: и тогда то намалюешь ты себе разных лиц великое множество. Закупим тебе и книг довольно». «И книг купите мне, матушка?» — вскричало дитя. «Изрядно! Так я с сего времени не стану больше забавляться прежними своими игрушками». Потом собрало дитя добровольно все свои безделушки в одно место и просило матушку, чтоб она подарила их какому-нибудь скудному ребенку, которому не можно лучшим, чем забавляться, и коему родители по бедности своей не в состоянии купить таких игрушек [5, с. 41–42].

Подобные рассуждения составляют «примету времени», «маркер» дидактической литературы второй половины XVIII в. Идеи Просвещения оказали существенное влияние на все стороны российской духовной жизни, способствовали ее подъему и диверсификации. Одной их важных характеристик культурного развития страны было изменение количества, качества и номенклатуры издаваемой учебной литературы. Анализ «Нового русского букваря» убедительно показывает, что в этот период появляются *разные* пособия для обучения грамоте, отличающиеся друг от друга своей адресацией, авторством, содержанием и методическим оснащением.

Сопоставление рассматриваемого издания с другими – аналогичными, определение его принадлежности к тому или другому лингвистическому и педагогическому направлению мысли составят предмет дальнейшего исследования.

В заключение хотелось бы выразить признательность научному сотруднику Национальной библиотеки Эстонии Ларисе Петиной и всему коллективу НБЭ (Eesti Rahvusraamatukogu) за помощь и благожелательное отношение. Кроме того, благодарю чл.-корр. РАО, доктора педагогических наук, профессора В.Г. Безрогова – за возможность пользоваться его советами и поддержкой на всех этапах нашей работы.

Список литературы

1. [Азбука гражданская с нравочениями]. — [М., янв. 1710]. — 19 с.
2. Безрогов. В.Г. Исследования религиозной темы в учебниках Средневековья и Нового времени/ В.Г. Безрогов, Н.Б. Баранникова// Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. — № 1. – С. 68—81.
3. Бецкой. И.И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоюго пола благородного и мещанскаго юношества: С прочими в пользу общества установлениями. – СПб.: Тип. И.К. Шнора, 1789. – Т. 1. – XLIX, [2], 479 с., 1 л. ил.

4. Бунаков. Н. Ф. Азбука и уроки чтения и письма в трех книжках / Н. Ф. Бунаков. – Изд. 95-е. – СПб.: Изд-е М.М. Гутзаца, 1912. – 80 с.
5. Новый российский букварь: С краткими нравоучениями и повестями. — СПб.: Печатано иждивением книгопродавца К.В. Миллера: [Тип. Морск. кад. корпуса], 1775. — 79 с.
6. Новый российский букварь с краткими нравоучениями и повестями. — Изд. 2-е. — СПб.: Печатан иждивением книгопродавца К.В. Миллера: Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1779. — 79 с.
7. Новый российский букварь с краткими нравоучениями и повестями. Изд. 3-е. — СПб.: Печатан иждивением книгопродавца К.В. Миллера: Тип. Шнора, 1785. — 79 с.

Рецензенты:

Романов В.А., д.п.н., профессор кафедры педагогики, дисциплин и методик начального образования, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула;

Федотенко И.Л., д.п.н., профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики профессионального образования, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула.